

*J. B. Pride. The social meaning of language — London,
Oxford University Press, 1971. 124 стр.*

Рецензируемая книга преследует двоякую цель. Прежде всего, это критический обзор взглядов и концепций лингвистов, представляющих так называемое «социолингвистическое направление» в современном языкознании. Одновременно автор намечает некоторые новые направления теоретических и прикладных исследований в этой области (например, социолингвистический анализ психологической мотивации изучения родного и второго языков).

Автор книги сосредоточивает свое внимание главным образом на трудах английских и американских исследователей. В работе, посвященной не анализу работ той или иной социолингвистической школы, а более широкой цели — рассмотрению основных социолингвистических проблем, такое ограничение следовало бы огласить в самом заглавии. За последние годы американские и английские ученые значительно активизировали свои усилия по изучению социальных аспектов языка и речевой деятельности¹. Однако картина современного состояния разработки этих проблем становится явно односторонней без учета достижений лингвистов других стран и, в частности, советских ученых.

Дж. Прайд справедливо обращает внимание на широту круга вопросов, рассматриваемых в социолингвистике. В понятие социолингвистики вкладывается различное содержание, а рассматриваемые в социолингвистических исследованиях проблемы отличаются чрезвычайной пестротой. Об этом, в частности, свидетельствует список тем, указанных в названиях разделов рецензируемой книги: «Язык как социальное явление», «Социальные ценности языка», «Переключение кода», «Функции стандартных и местных языков», «Речевые функции», «Речевой акт», «Проблема достоверности анализа», «Междисциплинарный подход», «Изучение родного языка», «Изучение второго языка», «Порождающая грамматика и социолингвистика».

И все же автора можно упрекнуть в том, что некоторые важные вопросы не получили в работе должного отражения или вовсе оказались вне поля зрения. Так, например, нельзя не отметить отсутствие в работе специального раздела, посвященного такой ведущей проблеме социолингвистики, как социальная дифференциация языка. Весьма неполно освещаются в книге вопросы, связанные с языковой политикой или «языковым планированием».

Трактуя социолингвистические проблемы, автор опирается на труды Б. Малиновского, Дж. Фёрса и М. К. Халлидея, взгляды которых он развивает в своей работе. В понимании Дж. Прайда социолингвистика — междисциплинарное направление, ориентирующееся как на языкознание, так и на широкий круг «социальных наук» (таких, как психология, социальная психология, социология, антропология и социальная антропология).

Известно, что исследования социальной природы и социальной детерминации языковых явлений могут иметь выход как в лингвистику, так и в социологию и смежные дисциплины. Иногда указанное различие в целевых установках находит отражение и в используемой терминологии (ср. термины «социолингвистика», применяемый к области исследований, ориентированной на языкознание, и «социология языка», часто используемый по отношению к работам, ориентированным на социологию). Вместе с тем, как правильно подчеркивает Дж. Прайд, тот факт, что та или иная работа ориентирована преимущественно на одну из дисциплин, взаимодействующих в рамках междисциплинарного направления, еще не означает, что она не представляет интереса для другой дисциплины. В качестве примера автор ссылается на работы Дж. Рубин и П. Фридриха². Первая посвящена изучению билингвизма в Парагвае, вторая — исследованию закономерностей употребления личных местоимений в русском языке XIX в. Обе работы, строго говоря, следовало бы отнести к области «социологии языка», поскольку их авторы исходят из определенной суммы лингвистических данных и пытаются выявить их социально-психологические корреляты. Однако направленность «от лингвистики к социологии» отнюдь не снижает лингвистической значимости этих работ. Продолжая мысль, высказанную Дж. Прайдом, можно было бы указать, что решение вопроса о том, является ли данная работа преимущественно лингвистической или социологической, зависит не столько от того, что является ее отправным пунктом и что конечным результатом, сколько от ее содержания.

Вместе с тем нельзя не согласиться с автором, когда он указывает на то, что любая социолингвистическая работа, независимо от ее направленности, должна строиться с учетом достижений современного языкознания. Чрезвычайно пока-

¹ См., например: А. Д. Швейцер, Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике, Л., 1971.

² J. Rubin, Bilingualism in Paraguay, «Anthropological linguistics». IV, 1, 1962; P. Friedrich, Structural implications of Russian pronominal use, «Sociolinguistics», The Hague, 1966.

³ ателен в этом отношении критический разбор работы Р. Брауна и М. Форд, посвященной проблеме социальной обусловленности форм обращения в американском варианте английского языка³. Авторы ограничиваются анализом одного бинарного контраста (имя/титул + фамилия типа *John/Mr. Smith*), игнорируя при этом один из основных принципов современного лингвистического анализа — его системность. Указанная оппозиция рассматривается в работе атомистически, а не в контексте системы языковых средств, используемых в качестве форм обращения. Авторы не учитывают и другого принципиального положения современного языкознания, имеющего особое значение для социолингвистических исследований, а именно — взгляда на язык как на «систему систем», отличающуюся вариативностью и гетерогенностью. Исходя из ничем не доказываемого предположения о том, что формы обращения отличаются единообразием для всего американского варианта английского языка, Р. Форд и М. Браун предают забвению известный совет Э. Сепира использовать гипотезу о единообразии лишь в самую последнюю очередь.

В первом разделе рецензируемой работы автор уделяет внимание понятийному аппарату современной социолингвистической теории. Для любой дисциплины, а в особенности для дисциплины, находящейся на стадии становления, чрезвычайно важно выработать четкую систему исходных понятий и определить, в каком отношении они находятся друг к другу. Удалось ли Дж. Прайду в полной мере осуществить эту задачу? Пожалуй, нет. В его работе мы так и не находим однозначных и достаточно ясных определений многих ключевых понятий, которыми оперируют в своих работах американские и английские социолингвисты, хотя автору удалось показать известную противоречивость этих категорий и выявить, что именно в них нуждается в уточнении и дальнейшей разработке.

Одним из центральных понятий социолингвистики является, как известно, понятие «языковая или речевая общность» (*linguistic or speech community*), частично совпадающее с используемыми в советском языкознании понятиями речевого и языкового коллектива. Однако именно это понятие определено с наименьшей четкостью. Не выяснен сам его объем. Так, например, для Г. Клосса оно равнозначно понятию государства, для Ч. Фергюсона и У. Стюарта — понятию нации, а Дж. Гамперц дает ему следующее определение: «социальная

группа, цементируемая частотой социального взаимодействия и выделяемая из окружающего ареала в силу слабости (внешних. — А. Ш.) связей»⁴.

Разумеется, сведение понятия языковой общности или языкового коллектива лишь к одной социальной единице едва ли правомерно. В самом деле, для социолингвистики важно изучение и национальных языков, и социальных диалектов, и профессиональных жаргонов. Поэтому понятие языковой общности должно быть в достаточной мере универсальным и всеобъемлющим, охватывающим и большие и малые социальные общности⁵. Многие в приведенной формулировке нуждается в уточнении. Как следует понимать такие критерии, как «частота социального взаимодействия» или «слабость внешних связей»? Поскольку речь идет об относительных и не вполне четко определяемых признаках, указанное определение едва ли можно считать достаточно строгим. Построенное на основе широко используемой западными социологами интеракционистской модели социальной структуры, оно носит явно односторонний характер, учитывая лишь коммуникативные признаки социальной общности. Более того, как справедливо отмечает Дж. Прайд, приведенная формулировка обнаруживает резкий крен в сторону социологии, игнорируя лингвистические признаки языкового коллектива. Вместе с тем понятие языковой или речевой общности должно, разумеется, распространяться не на любую социальную группу, а лишь на такую, которая может быть охарактеризована с помощью определенного комплекса языковых признаков.

В зарубежной социолингвистической литературе термин «языковая общность» (*linguistic community*) и «речевая общность» (*speech community*) часто применяются недифференцированно. Рецензируемая работа в этом отношении не является исключением. В то же время материалы социолингвистических исследований свидетельствуют о необходимости разграничения таких понятий, как «языковая общность» или «языковой коллектив», с одной стороны, и «речевая общность» или «речевой коллектив» — с другой. Иными словами, следует различать, с одной стороны, социальные общности, отличающиеся друг от друга инвентарем используемых ими языковых единиц, а с другой стороны, те, которые обнаруживают различия в речевом использовании одних и тех же единиц.

Используемый для изучения речевых

³ R. Brown, M. Ford, *Address in American English, «Language in culture and society»*. New York, 1966.

⁴ J. Gumperz, *Types of linguistic communities, «Anthropological linguistics»*, IV, 1.

⁵ См.: А. Д. Швейцер, *О микросоциологии и макросоциологии языка*. М., 1970.

коллективов понятийный аппарат включает и такую категорию, как сфера использования (domain). Сферы использования языка — это, по существу, те ситуации, в которых тот или иной язык (вариант, диалект или стиль) регулярно предпочитается другому. Известно, что выбор того или иного языка (в многоязычном обществе), диалекта (при диалогии) или стиля (в одноязычном обществе) зависит во многом от традиционного социально детерминированного распределения сфер использования сосуществующих в рамках данного общества языковых систем. Таким образом, языковая ситуация в том или ином ареале может быть описана с помощью так называемой модели «конфигурации сфер преимущественного использования» (domain-use configuration; термин впервые предложен У. Вайнрайхом). Эта модель может быть реализована в виде координатной сетки, в которой по горизонтали наносятся сферы использования, а по вертикали — другие виды вариативности (письменная/устная речь, официальный/неофициальный стиль, воспроизведение/восприятие речи) и на каждой точке пересечения горизонтальных и вертикальных линий отмечается выбор той или иной из конкурирующих языковых систем.

Сферы использования самым непосредственным образом связаны с лингвистически релевантными ролевыми отношениями (термин заимствован из понятийного аппарата современной социологии). В отличие от статуса, т. е. постоянного положения индивида в той или иной социокультурной системе, роли представляют собой переменную величину и варьируются в зависимости от конкретной социальной ситуации (social occasion), в которой происходит данный коммуникативный акт (ср., например, такие ролевые отношения, как, например, судья — проситель, продавец — покупатель, муж — жена). Известно, что один и тот же индивид, выступая в различные ролевые отношения, соответственно меняет используемый им «код» (т. е. определенный набор языковых средств). Вместе с тем его социальное положение или статус находит соответствующее отражение в некоторых постоянных (например, диалектных) характеристиках его речи.

Остается нерешенным вопрос о том, исчислимы ли социальные ситуации и ролевые отношения. Дж. Гамперц, на которого вновь ссылается Дж. Прайд, полагает, что в любом данном обществе их число конечно⁶. Однако вопрос этот

требует более обоснованного ответа, поскольку от этого во многом зависит успешная разработка теоретической модели, которая должна лечь в основу социолингвистического анализа. Читатель убеждается в этом, в частности, познакомившись с материалами, изложенными в разделе, посвященном проблеме достоверности социолингвистического анализа.

В этом разделе автор ссылается на цитированную выше работу П. Фридриха, в которой делается попытка построить десятикомпонентную модель использования русских местоимений *ты* и *я*. В связи с этим возникает вопрос: не следует ли свести эти компоненты, отражающие различные социальные ситуации и ролевые отношения, к более широким категориям? Дж. Прайд отвечает на этот вопрос следующим образом: если некоторые из компонентов действуют одинаково (т. е. имеют одну и ту же языковую реализацию), то они могут быть объединены в рамках более широких понятий; в противном случае требуется большая степень детализации. Например, если такие компоненты, как «возраст» и «власть», одинаковым образом влияют на выбор *ты* или *я*, то эти компоненты могут быть сведены к одному с большей степенью генерализации (например, «старшинство»). Отсюда следует, на наш взгляд, один из важнейших принципов социолингвистического анализа, согласно которому лингвистическая релевантность определяет как саму номенклатуру используемых исследователем социологических категорий, так и степень их абстракции.

В разделе, посвященном социальным ценностям языка, автор касается используемых популярностью у западных социолингвистов работ английского социопсихолога Б. Бернстайна⁷, в которых постулируется наличие двух речевых кодов — ограниченного (restricted code), характеризующего высокую степень предсказуемости и используемого чаще всего в ритуальных формах коммуникации, и развернутого (elaborated code), обладающего более низкой предсказуемостью и используемого в тех социальных ситуациях, которые стимулируют индивидуальное самовыражение.

Тот факт, что определенные социальные ситуации влекут за собой преимущественное использование в речи готовых, предсказуемых формул, речевых штампов и т. п., тогда как другие характеризуются более «творческим» использованием языка, едва ли подлежит сомнению. Однако Б. Бернстайн пытается связать выделяемые им «коды» не только

⁶ J. G u m p e r z, Linguistic repertoires, grammars and second language instruction, «Monograph series on languages and linguistics», Georgetown University, 18, 1965.

⁷ B. B e r n s t e i n, Elaborated and restricted codes: An outline. Explorations in sociolinguistics, IJAL, 33, 4, 1967. См. также: А. Д. Ш в е й ц е р, Вопросы социологии языка, стр. 21.

с ситуацией, но и с социальным статусом. Дж. Прайд справедливо обращает внимание на то, что гипотезы Б. Бернстайна не подтверждаются данными социалингвистических исследований (У. Стюарта, Дж. Гамперца и др.). Наиболее решительные возражения вызывает, на наш взгляд, утверждение Б. Бернстайна о том, что речь представителей рабочего класса и представителей среднего класса отличается преимущественным использованием в первом случае ограниченного кода, а во втором — развернутого.

Социалингвистические исследования требуют тщательного и строгого анализа, аргументированности и документированности выводов. В противном случае излишне прямолинейные корреляции лингвистических и социальных фактов могут носить вульгаризаторский характер, как это часто имело место в прошлом. Об этом свидетельствует, в частности, попытка Б. Бернстайна установить прямую связь между использованием указанных кодов и лояльностью по отношению к группе, с одной стороны, и «индивидуальным самовыражением», с другой.

Известные сомнения вызывают некоторые положения рецензируемой книги относительно связи между социалингвистикой и порождающей моделью Н. Хом-

ского. Автор усматривает эту связь в том, что социалингвистике близка «менталистская» антибихевиористская ориентация школы Хомского. Думается, что гораздо ближе к истине известный американский социалингвист Д. Хаймс, который, оценивая порождающую модель с позиций социальной лингвистики, отмечает, что с точки зрения учета социальной природы языка эта модель в формулировке Хомского «ни в чем не отходит от структуралистского прецедента. Скорее это шаг назад, поскольку она полностью исключает из рассмотрения гетерогенность речевой общности, различные роли говорящих, а также стилистические и социальные компоненты значения»⁸.

В настоящей рецензии нет возможности остановиться на всех вопросах, которых касается в своей книге Дж. Прайд. Необходимо лишь отметить, что большинство рассматриваемых им социалингвистических проблем относятся к числу наиболее интересных и наиболее актуальных. Автор далеко не всегда дает ответы на поднимаемые им вопросы, но сама постановка их стимулирует их дальнейшую теоретическую разработку.

А. Д. Шейцер

⁸ D. H y m e s, Editorial introduction, «Language in society». I, 1, 1972.

F. Buffa. Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatúry. K histórii slovenského odborného slovníka. Bratislava, Vyd. Slovenskej akadémie vied, 1972. 427 стр.

Фердинанд Буффа известен русскому читателю как исследователь словацкой ботанической терминологии. Ему принадлежат целый ряд работ, связанных с этой сферой национального словаря как в плане изучения народной номенклатуры растений и ее структурно-семантических свойств (мотивированность номенклатурных названий)¹, так и в плане исследования научной ботанической терминологии и методов ее рационального построения. Серия работ Ф. Буффы связана непосредственно с деятельностью Словацкой АН по нормализации ботанической терминологии в 50-е годы нашего века. Проблемы нормализации и рациональной организации национальной терминологии естественно и закономерно привели исследователя к вопросу об

истории ее формирования, поскольку учет научной традиции при нормализаторской деятельности играет первостепенную роль.

Рецензируемая книга Ф. Буффы представляет собой обобщающий труд по истории формирования научной ботанической номенклатуры в Словакии, построенный на анализе материалов письменных источников, начиная от рукописного лечебника XVII в. и вплоть до номенклатурных списков Словацкой АН (SBN) 50-х годов нашего века.

С точки зрения лингвистического «жанра» книга Ф. Буффы принадлежит к разряду исследований по истории терминологии со специфической для этого жанра методикой включения в план описания историко-культурного и историко-лингвистического фона, постановкой вопроса о развитии знания, состоянии письменности, о языке науки (и шире — литературном языке), вопроса о культурных и языковых взаимодействиях и языковой политике.

Исследование построено как серия очерков о ботанических книгах в Словакии и используемой в них терминологии.

¹ F. Buffa, Z nářečových názvov rastlín v Dihej Lúke, «Jazykovedné štúdie», II, 1957; e o же, Nazvy rastlín motivované vnútornou vlastnosťou rastliny, «Slovenské odborné názvoslovie», IV, 1956; e o же, Mená zvierat v slovenskom názvosloví rastlín, «Slovenské odborné názvoslovie», V, 1957, и др.